
СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

М.Г. Курбанов

В истории философии широко известна гуманистическая традиция развития идей о человеке. Различение понятий «гуманность» и «человечность» проводится здесь в связи с тем, что «гуманность» представляется как культивируемая форма человечности, складывающаяся на основе различных унификаций социального опыта и ценностей общественного сознания, возникающих в ходе совместной жизни людей, а «человечность», как более широкое понятие, включает в себя не только культивируемые формы и проекции отношений между людьми, но и естественно-исторические отношения, объективно складывающиеся и независимые от общественного сознания.

Анализ философской литературы по проблемам становления человечности свидетельствует о богатом теоретическом наследии, требующем всестороннего изучения и обобщения, с учетом дальнейших разработок современных проблем развития человеческой специфики. Наряду с последовательно решаемыми вопросами в познании человека и человечности, целый ряд проблем для философского понимания остается вечно зовущим в необозримые для философской рефлексии потаенные просторы бытия. Сюда относятся проблемы противоречивости в сочетании таких стремлений, как *«быть человеческим индивидом»* и *«иметь общечеловеческое достоинство»*. И то и другое могут выражаться через вечное вопрошание о том, *«что такое хорошо и что такое плохо»*. Как могут здесь сочетаться индивидуально-личная человечность каждого с общеродовой человечностью всех — это остается вечной и неразрешимой проблемой, своего рода *«пробным камнем»* философии.

Взятый как объект исследования, человек — это особое многомерное существо, в котором уникально сочетаются почти все основные формы бытия. Поэтому познание человека всегда сопряжено с его особой парадоксальностью и проблематичностью, которая фокусируется в человечности как интегрированном качестве человека. Акцентируя одни формы бытия человека в ущерб другим, можно утратить реальную объективность исследования. Но, не акцентируя ту или иную форму бытия человека, нельзя вообще как-либо выразить ее в доступном для познания и понимания виде. В связи с таким положением исследователь обречен приносить в жертву то одни, то другие возможности исследования, постепенно приближающие мысль к полноте знаний о человеке, взятом в качестве объекта.

Человечность, рассматриваемая в процессах ее социального, исторического и культурного становления, не может мыслиться иначе, как через свои противоречия, в которых сочетается устойчивость и изменчивость. Восхождение человечности может рассматриваться лишь в аспекте ее перехода от естественных форм, реализующихся стихийным образом, к формам творческого самосозидания.

ния. Основная предметная особенность исследования, которую надо учитывать, состоит в следующем: если в естественных формах проявления человечности в строгом смысле слова нет процессов восхождения и речь может идти о цикличности существования этих форм, то в формах самосозидания человечность реализуется не иначе как в виде восхождения от низшего к высшему.

Наряду с предметным разграничением нельзя упускать из виду и дисциплинарное разграничение проблемы в социально-философском и философско-антропологическом осмыслении специфики человеческого бытия. Это осмысление нацелено на теоретическую реконструкцию процессов становления человечности, определение в этих процессах общих инвариантных оснований, связанных с индивидуальностью и массовостью человека, открывающих в нем широкое разнообразие возможностей социально-исторической реализации самого феномена человечности. В каком соотношении находятся эти основания и как они связаны между собой? Что собой представляют такие атрибуты человека, как суверенность, индивидуальность, социальность, общественность, имманентность, трансцендентность, вечность, брэнность, вещественность, идеальность, ложность, истинность, солидарность и т.д., которые могут принимать в жизни человека и общества императивный характер? Какую роль в понимании их соотношения играют натуралистические, историцистские, социокультурные представления о человеческом бытии? Многие рассматриваемые вопросы могут ставиться и решаться в зависимости от того, что собой представляет атрибут человечности, в результате чего и как он возникает, в чем его смысл, какую роль он играет в развитии социальной реальности.

Разделяя социально-философский и философско-антропологический анализ взаимосвязи человеческого бытия с феноменами человечности, бесчеловечности и античеловечности, надо исходить из того, что человек не может быть предметом сугубо антропологического познания, ибо наряду с человечностью он реализуется в различных (как внешних, так и внутренних) формах бесчеловечности, которые не укладываются в горизонт философско-антропологической проблематики. Вместе с тем рассматривать человека в обход философско-антропологических представлений, ставя перед собой только социально-философские задачи, также не представляется возможным. Вполне очевидно, что вообще нет такой точки зрения, исходя из которой можно было бы обозначить и выразить неисчерпаемое богатство и содержание самой человечности, ибо для такого дела требуется, по меньшей мере, хотя бы концептуальная сфера идей и взглядов, сочетающих разнообразие форм и способов существования самой человечности. Линейность и плоскость исследования могут быть преодолены лишь в объемном представлении объекта.

Социальная философия, как и другие формы философских знаний, имеет свои виды на человека, без которых она утратила бы возможность своего существования в общей системе знаний. В связи с этим ставится задача предметного разграничения человечности между системами социально-философских и философско-антропологических знаний. Если социальная философия исходит из того, что человек есть нечто частное и присущее общественному бытию, то антрополо-

гия полагает человека как нечто целое, самодостаточное. В отличие от антропологии, решающей проблему «что (кто) есть человек?», социальная философия пытается определить «как есть человек?», т.е. каков он в своем существовании, каким образом он существует в мире. В самом грубом виде ответ здесь вполне очевиден — человек может существовать только в сообществе других людей. Но эта грубость может обернуться в непростительную наивность социоморфизма, социоцентризма, или же — антропоморфизма, антропоцентризма, скрывающих под собой истинное положение дел в философском понимании человека. Социальная форма человеческой реальности вместе с теми узловыми точками пересечения, в которых она связана с другими формами реальности человека, должна рассматриваться в таком положении, которое она имеет на самом деле.

По своему смыслу и содержанию человечность должна рассматриваться как одна из многогранных явлений, присущих всем людям вместе и каждому в отдельности. Она характеризуется устойчивыми и динамично меняющимися границами. Противоречивый и парадоксальный характер человечности на всем протяжении истории вызывает оживленные дискуссии, которые исходят из разных позиций, но в итоге могут быть сведены к общему сопоставимому результату. Как особый предмет познания, человечность привлекает любого исследователя тем неоспоримым обстоятельством, что в постижении сущности человека за ним больше нет никакого препятствия, которое могло бы как-то или в чем-то скрывать человека. За феноменом человечности непосредственно стоит в своем разоблаченном виде бесконечная в себе самой **сущность человека**, противоречащая себе и утверждающая человека в мире вопреки себе. В этом смысле человечность выражает некую утонченную оболочку — своеобразный «родничок», который никогда не зарастет твердой костью непоколебимого социально-онтологического абсолюта. Это обстоятельство обрекает живую ткань общественного тела на вечно самовоспроизводящееся «младенчество» социальной реальности.

Сущность человека реализуется в его существовании и вместе с тем она является реальной помимо существования. Такое положение вызывает нескончаемые искания, споры и дискуссии о том, насколько человеческой была, есть и может быть в дальнейшем сама сущность человека. Если сущность человека сводится к совокупности общественных отношений, то лучшего способа ее теоретической фетишизации и не придумаешь. Но и без такой фетишизации, которая выражает методологию социологического редукционизма, понимание сущности человека на фоне других форм редукционизма вообще поблекнет. Общественное отношение — это, скорее всего, умозрительная абстракция, при помощи которой мы можем разделять и дробить то родовое, неделимое, синкретическое ядро, которое является всеобщим, единым и монолитным для всех людей. Свою сущность человек как родовое существо безуспешно пытается обрести в ходе своей истории, но сущность человека в философском понимании соизмерима с вечностью, она трансцендентальна для истории. Поэтому социальная философия должна сначала справиться с тем, что лежит перед ней «на поверхности», — что более ей доступно и само идет в руки. В таком деле

на первый план выходят достижения экзистенциализма и феноменологии, в которых социальная реальность получает витальное, «красочное», «полнокровное» выражение своей сущности.

Если сущность человека извлечь из самой возможности ее трансцендентального бытия и обозначить только в рамках феноменальной человечности, то тем самым мы еще глубже спрячем эту сущность от познания или преподнесем ее в оболочке той качественной уникальности и парадоксальности, которая отличается от всего остального мира. Но зато мы сможем ухватить и удержать в поле умозрительной рефлексии постоянно ускользающий предмет. Предмет человечности должен рассматриваться в соотношении его предельных значений — имманентного и трансцендентного, бренного и вечного, тварного и творящего, объектного и субъектного. В противном случае он ускользает из поля зрения, растворяется в совокупности конкретных эпизодов бытия и форм познания. Тем не менее, он не может быть постижимым сполна как для отдельного человека, так и для всего человечества. Предмет человечности обладает самонарастающим потенциалом и является делом бесконечных исканий.

Экзистенциальное и феноменальное обнаруживается в человеке главным образом при посредстве его истории и генеалогии. История столь беспощадно кроит и перекраивает витальную непрерывность человека, что без ее генеалогического сопереживания и концептуального синтеза всего того, что извлекает история из человеческой сущности, оказался бы выпавшим из поля зрения социальный субстрат человечности, оказалась бы утраченной для социальной философии сама субстанция, через которую постигается социальное бытие человека.

Человеческая специфика в условиях общества может иметь широкое многообразие своих превращенных форм и качественно отличаться от специфики социального бытия. Последняя накладывается на человека словно матрица, растягивающая пространство человеческого существования до размеров всего общества. На основе сопоставления социально-философского и философско-антропологического анализа специфики человеческого существования можно представить такое видение человечности, в котором выражается обобщенная форма, своеобразно присущая каждому человеку и всему человечеству. Это своеобразие и специфика складывается в зависимости от конкретных, меняющихся возможностей и условий человеческой жизни и не может быть реализована как абсолютная действительность. Предполагая в себе сущность человека, человечность не может целиком сводиться только к человеческой сущности и включает в себя социально-исторические формы существования человека. Поэтому человечность как специфическая определенность социального бытия сингулярно выражает общее достояние форм и возможностей жизни, реализуемых каждым человеком и всем человечеством. В связи с этим ясно, что не все «человеческое» непременно является «человечным». Человечность включает в себя лишь ту феноменальность человеческого, которая соответствует сущности человека и может адекватно репрезентировать свою сущность в ходе повседневной жизнедеятельности. Суть человечности противоречива в себе самой. По своим формам и спо-

собам существования она одинаково предопределенная и всеобщая для всех людей. Вместе с тем по возможностям и своему реальному содержанию она уникальна и оригинальна для каждого человека.

Специфика человеческого начала может конкретизироваться в процессе эпохально-исторического становления, знаменующего собой восхождение человечности от циклически воспроизводящегося естества к самосозидаемому бытию. Человечность как качество, производное от человеческого естества, характеризуется и как способ существования в виде особой, сингулярной соразмерности социального бытия. В социальных условиях человечность постоянно наращивает свой созидательный, творческий потенциал, но одновременно с этим теряет свою естественную устойчивость, становится более аморфной, зыбкой и шаткой, требующей актуализацию постоянной зависимости от социальных основ и механизмов деятельности. В связи с этим возникает необходимость социальной институционализации человечности, закрепления ее в ментальных формах стереотипов и императивов. Если способом существования человеческой реальности становится совместная, социальная жизнь людей в обществе, реализуемая в виде процесса самосозидания, то человечность в ходе истории становится более востребованной формой измерения социального бытия и существенным атрибутом всего созидательного процесса.

Проблематика происхождения человечности может рассматриваться сквозь призмы прошлого, настоящего и будущего, с учетом всей шкалы от индивидуальных особенностей отдельного человека до общих признаков, присущих всему человечеству. При этом ведущую роль получают идиографический, номотетический и др. подходы, которые с разных сторон позволяют охватить исследуемый предмет в целостном виде.

Формы человеческой деятельности в окружающем мире более полноценно характеризуются через систему адаптационных механизмов, гибко связанных с необходимостью корректируемого взаимодействия с различными объектами с целью приведения их в желаемое состояние. Поскольку условия жизни не могут полностью определять бытие свободного человека, то возможности активной социальной адаптации становятся актуально бесконечными. Поэтому на разных этапах свобода выбора выявляется как основной инструмент, механизм, машина формирования человечности. Это возможно только до тех пор, пока человек находится в напряжении, вызванном его ответственностью за себя (за свою судьбу) перед угрозами окружающей его реальности. В предельном смысле это означает, что человек является подлинным человеком тогда, когда он может бросить *вызов* окружающему миру, т.е. открыто, деятельно заявить о себе, о своем существовании.

Социальные отношения людей могут как способствовать, так и препятствовать самопознанию человека как истины. Человек в обществе стремится не только к тому, чтобы «*быть истиной*», воплощая в себе непосредственную самоидентификацию, но и к тому, чтобы «*иметь истину*», монополюбно обладать всем потенциалом ее богатого многообразия. Некоторые человеческие поступки затрудняют, искажают или даже прекращают обладание истиной. В таких случаях

человек явственно обнаруживает свою «*вброшенность*» в социальный мир как «*по ту сторону*» самого себя, где ведется непрестанная борьба за обладание человечностью. Если социальное окружение человека солидаризуется с ним, то он осознает себя в форме *укорененного бытия* и в истинном соответствии с этим окружением. Если же социальное окружение нейтрально, или того хуже, — враждебно человеку, то он осознает себя вброшенным и находится в ложном соответствии своему окружению, чреватым насилием. В результате этого истина может не только рождаться в ходе спора, но и умирать в ходе борьбы идей, связанных с пониманием места человека в мире.